

закономерность в образе русского крестьянина, — «страдающий человек, под гнетом государственной машины». Образ аппарата государственного насилия оказывал определенное воздействие на объем собираемой помощи для голодающих крестьян России. На фоне этого интересны взгляды жителей США, которые указывают в качестве основного фактора голода существующий политический режим — отсутствие демократии и политических свобод.

Литература

Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими: Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 / пер. с англ. М., 2006. 320 с.

Курилла И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США. М., 2018. 424 с.

Согрин В. В. История США: учеб. пособие. СПб., 2003. 192 с.

К. А. Домашевская

студент 3 курса, БГУ

Domashev2301@mail.ru

Монголия рубежа XIX–XX вв.: трансформация государственно-политической системы

Публикация посвящена актуальному вопросу XX в. — истории становления государственности Монголии в условиях геополитического треугольника Россия — Монголия — Китай, одним из этапов которого было создание теократического государства под началом главы буддийской церкви Джебцун-Дамба-Хутухты. Для рассмотрения проблемы были привлечены опубликованные источники, среди которых особое место занимает дневник русского уполномоченного в Монголии в начале XX в. Ивана Яковлевича Коростовца.

Ключевые слова: Монголия, теократия, Россия, Китай, И. Я. Коростовец.

Рубежный период последней трети XIX – начала XX в. в евразийской истории ознаменовался масштабными социально-экономическими и политическими катаклизмами. Эволюция азиатских народов — от кочевой до земледельческо-индустриальной межцивилизационной оси «Восток-Запад» — характеризовалась вступлением в новую парадигму развития истории. Монголия находилась на новом пути трансформации государственной власти, которой в некоторой степени способствовала религия.

Буддийская церковь Монголии конца XIX – начала XX в. приобрела главенствующее положение в управлении государством. Глава буддийской иерархии Джебцун-Дамба-Хутухта по своему значению

являлся фактическим правителем Халхи (Внешней Монголии), и в его руках сосредоточивалась не только духовная, но отчасти и светская власть.

Буддизм к XIX в. проник во все сферы жизни кочевников. Можно смело сказать, что власть ламы в Монголии сравнима только с властью католических священников в жизни средневекового европейца: «Ламаизм — это католицизм Востока, выделивший себя из среды своего народа и эксплуатировавший невежество монголов» [Крайнова, 2015, с. 126].

Одной из причин такого влияния было то, что буддизм являлся весомым помощником в борьбе за политическое господство маньчжурской династии над некогда воинственными монголами. Маньчжурские политики Цинской империи преследовали цель ослабления централизованной светской власти, т. к. сам по себе ламаизм «в сильнейшей степени способствовал укрощению некогда могущественных и строптивых кочевников и прежде всего тем, что учил их смирению и повиновению как светским, так и духовным властям».

Таким образом, буддизм явился сильнейшим орудием в укрощении и завоевании монголов и подчинении цинским властям, которые, обеспечив себе опору среди крупных церковных феодалов, всячески поддерживали их, как политически, так и экономически.

К началу XX в. ламаистская церковь Монголии сосредоточивала в своих руках огромные богатства, которые имели разные источники поступления: от эксплуатации церковных крепостных — шабинаров, от церковного имущества в виде скота и земель, от торгово-ростовщических операций и от пожертвовавший в пользу церкви.

Глубокая религиозность народа, отсутствие централизованной светской власти привели к тому, что главной управляющей силой в государстве стало духовенство во главе с Хутухтой.

Таким образом, буддийская церковь, поставленная во главе Халхи цинскими властями, только на первых этапах покорения народа служила опорой завоевателям. Впоследствии же, набрав постепенно экономическую, политическую и духовную власть, стала реальной силой, способной взять власть в свои руки, что и показал 1911 г., когда после провозглашения независимости Монголия стала теократическим государством, официально признанным Российской империей согласно Договору о дружбе и торговому протоколу 1912 г. Факт подписания этих договоров не только привел к концу прежних отношений между Монголией и Китаем, но и открыл воз-

возможности для новообразованного монгольского государства иметь равные отношения со всеми государствами мира [Коростовец, 2009, с. 103].

Литература

Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912–май 1913 г. / сост. О. Батсайхан. Улан-Батор, 2009. 292 с.

Крайнова Л. Н. Буддийская церковь Монголии в XIX–начале XX века как социально-политическая и экономическая основа общества: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2015. 193 с.

И. С. Смирнова

*студент 4 курса, ЧГУ
ira_smirnova97@mail.ru*

Император Николай II как верховный главнокомандующий русской армии 1915–1917 гг.

Статья посвящена рассмотрению причин и последствий принятия Николаем II обязанностей Верховного главнокомандующего русской армии в ходе Первой мировой войны. Внимание уделено отношению императора к занимаемой должности и анализу его деятельности на этом посту в 1915–1917 гг. Рассмотрены мнения приближенных по поводу решения императора принять пост Верховного главнокомандующего.

Ключевые слова: Первая мировая война, Ставка Верховного главнокомандующего, Николай II, Антанта.

Первая мировая война привела к усилению значимости военных в Российской империи. Особое значение получила Ставка Верховного главнокомандующего, претерпевшая перемены в 1915 г. [Гребенкин, 2009, с. 31]. Этот год принес русской армии множество испытаний, поскольку войска Германии сумели прорвать русский фронт и вынудить армию к отступлению [Жильяр, 1991, с. 123]. Русские потери в этот период составили самый большой процент за всю войну; сказывался недостаток снарядов [Приказ армии и флоту..., 1915, с. 137].

В условиях тяжелейших условий 23 августа 1915 г. Николай II отстранил от обязанностей Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, возложив на себя его полномочия [Анфертьев, 2016, с. 168]. Приказ императора демонстрировал намерение победного исхода войны: «...с неколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины...» [Приказ армии и флоту..., 1915, с. 681].